

ДИАЛОГ ДЛЯ ПРОСТРАНСТВА, ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИАЛОГА

Л. Кочанович

Социально-гуманитарный университет SWPS, Вроцлав, Польша
leszek.koczanowicz@swps.edu.pl

В статье рассматриваются основные проблемы современной демократии, особенно городской демократии. Массовые протесты и демонстрации свидетельствуют о том, что существующие механизмы либеральной демократии перестали выполнять свою роль. В статье анализируются причины такого положения вещей. Также приводятся причины, по которым демократия в городе имеет особое значение для понимания функционирования демократического общества. Далее описываются три концепции демократии, которые имеют особое значение. Это: прагматическая концепция, концепция коммуникативной деятельности и концепция неконсенсусного диалога и неконсенсусной демократии. Эта третья концепция была разработана автором статьи. Он понимает демократический диалог как средство понимания, а не согласия. Таким образом, демократия заключается в том, чтобы лучше понять конкурента, а не в достижении с ним соглашения. Однако для того, чтобы эта форма демократии работала, необходимо соответствующее образование на всех уровнях.

Ключевые слова: демократия, прагматизм, диалог, демократия без согласия, демократия в городе, либерализм.

DIALOGUE FOR SPACE, SPACE FOR DIALOGUE

Leszek Koczanowicz

SWPS University of Social Sciences and Humanities,
Wrocław, Republic of Poland
leszek.koczanowicz@swps.edu.pl

In the past years it has become clear that liberal democracy is in crisis and that this crisis is first of all visible in the public sphere and in the public space. The new social movements in many countries have re-defined the public space introducing to it elements which have not been so far present in the public sphere, for instance, demonstrations which turned into long-lasting meetings, performances, artistic activities, and so on. Moreover, it has turned out that the crisis touched not only the liberal system of institutions but also the civil society and the party system that had been a backbone of liberal democracy. The aim of the article is thus to look at human space/city space as a machine for com-

munication, or, strictly speaking, a machine for understanding. The article has been inspired by the views of American pragmatists, mainly John Dewey's and George Herbert Mead's as well as Mikhail Bakhtin's concepts of dialogue and carnival. I think that taking such a standpoint would lead to better understanding the new social movements in city space. The four models of communication in the city space are discussed in the article. The first model is taken from the philosophy of American pragmatism. Its main features are: the close relationship between politics and everyday life, and the concept of democracy as a form of life of a community. The pragmatists also put stress on dialogue/communication as an activity which forms social life as well as our mind and self. The second model is Jürgen Habermas's concept of communicative action. Habermas states that the possibility of an agreement is inscribed in the very structure of language if certain conditions are fulfilled. He calls these conditions "the ideal communicative situation." The continuators of Habermas's theory have developed it into the idea of "deliberative democracy", i.e., democracy which is a permanent discussion of the most important social and political issues. The third model is associated with Bakhtin's notion of dialogue as a phenomenon which permeates all human interactions. Finally, I propose my model of communication which is based on my concept of dialogue as a vehicle of understanding rather than vehicle of agreement. Starting from the last model I discuss the question of the role of the university in the democratic society. My idea is that the humanities should give up any ambition to universality and instead they should facilitate mutual understanding. Therefore, their function has changed radically. Traditionally, they serve to maintain national or religious identity and/or promote individual perfection. Now, they should prepare people to enter a dialogical relationship with the Other.

Keywords: democracy, pragmatism, dialogue, non-consensual democracy, urban democracy, liberalism.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-4-90-97

Последнее десятилетие было периодом радикальных изменений в демократических обществах. Фундаментальные принципы либеральной демократии были подорваны, и во многих частях мира стали скептически относиться к замене самой демократической системы нелиберальной демократией [Zakaria 2004]. Однако другой стороной этой медали является массовый протест в защиту демократии и неотъемлемых прав граждан. Долгосрочный и более глубокий смысл этих массовых социальных движений часто не замечается, поскольку социальные и гуманитарные науки не располагают достаточными инструментами для их анализа. Они обременены

давней традицией отношения к массам как к толпе, которая руководствуется не рациональными мотивами, а только эмоциями [Jonsson 2013]. Такой подход к массовым акциям протеста не позволит заметить позитивный характер этих выступлений, несущих не только новые лозунги, но и новые пути демократического диалога и организации общественного пространства.

Вторая причина, по которой демократия не учится на массовых выступлениях, заключается, во-первых, в видении демократии как консенсуса и гармонии. Демократия – это сложная система, в которой конфликты, недоразумения и ошибки естественны [Rosanvallon 2008]. Полный анализ демократического общества и создаваемого им общественного пространства требует учета всех этих аспектов и понимания того, как дисгармония и гармония пересекаются в сложном процессе конститутивной демократической политики. Только приняв такое методологическое правило, можно будет понять важность новых общественных движений в формировании общественного пространства. Нет сомнений, что массовые протесты меняют общественное пространство. Они делают это, буквально захватывая области, ранее принадлежавшие частной или политической сфере, а также меняя способы коммуникации, т. е. диалог [Rosanvallon 2008].

На данном этапе мы приходим к третьей причине, которая делает невозможным понимание важности протестных движений для формирования общественного пространства. Причиной тому является постоянная тенденция в демократической теории воспринимать диалог как нечто совершенно прозрачное, на что не стоит обращать особого внимания. Поэтому, как это ни парадоксально, демократические теоретики сходятся во мнении, что диалог является основой демократического общества, но они почти не уделяют ему внимания. Ярким примером этого теоретического недостатка является то, что, за редким исключением, политическая теория почти не пользовалась многочисленными и богатыми ресурсами теорий диалога, разработанными в XX веке герменевтикой (Ганс-Георг Гадамер), философией диалога (Мартин Бубер, Франц Розенцвайг) или Михаилом Бахтиным. Цель данной статьи – заполнить этот пробел, показав, как различные концепции демократического диалога воспринимали организацию общественного пространства. Для нас важно как можно более полно использовать богатство форм демократического диалога и соответствующей организации общественного пространства. Мы сосредоточим наш анализ на городском пространстве. Это объясняется следующими причинами:

1) Чикагская школа уже доказала, что все социальные явления и прежде всего социальные изменения возникают в первую очередь по инициативе городских обществ/общин, и только позже они ассимилируются другими формами социально-пространственных структур; поэтому, если мы хотим знать направления этих изменений, мы должны изучать городские общества;

2) демократия – это форма городских социальных отношений, которые реализуются в общественных местах и посредством общественных пространств;

3) публичное пространство, которое даже можно определить как физическое выполнение/воплощение всех вышеперечисленных форм связи и социальной коммуникации, практически существует и является актуальным только в городских структурах. Это необходимо для появления потребности и осознания роли общественного пространства соответствующих размеров, плотности и гетерогенности населения; общественные пространства в сельской местности играют различные роли, в гораздо большей степени подчиняясь индивидуальным и клановым потребностям, чем демократическим и общественным нуждам;

4) применение наших концепций в реалиях городского пространства делает интерпретацию более конкретной и привязанной к практике повседневной жизни.

Поэтому я хотел бы посмотреть на человеческое пространство/городское пространство как на «машину для общения», точнее говоря, как на «машину для понимания». Вдохновением являются взгляды американских прагматиков, особенно Джона Дьюи и Джорджа Герберта Мида, а также концепции диалога и карнавала Михаила Бахтина. Ниже я представляю модели диалога в публичном пространстве, вдохновленные этими концепциями.

Первая – американский прагматизм, который предполагает а) тесную связь между политической/социальной жизнью и повседневной жизнью; б) демократия – это форма общественной жизни, т. е. демократия не система институтов, а система привычек [Dewey 1984]; в) общение/диалог является основой общественной жизни и в то же время формирует наши личности. С этой точки зрения демократия является лучшей системой, потому что свободное общение ставит наименьшее количество барьеров и обеспечивает гибкость общественной жизни (демократия – это институционализируемая революция) и полное развитие личности, мы становимся личностями, “принимая на себя роль другого лица” [Mead 1959]. Чем больше обобщенных социальных ролей мы можем взять на

вооружение, тем ближе мы к идеалу. Американские прагматики вовлекались в социальные проекты, касающиеся организации общественного пространства, таким образом, чтобы оно служило именно обмену опытом и интеграции.

Вторая из проанализированных концепций – теория общения Юргена Хабермаса [Habermas 1981]: немецкий социолог интерпретировал и формализовал интуицию прагматиков, доказав, что сам язык содержит механизмы, позволяющие достичь согласия (консенсуса) при соблюдении определенных условий, которые он называет “идеальной коммуникативной ситуацией”. Эти условия, конечно, не будут выполнены в полной мере, но они могут быть измерителем развития демократии: чем больше она им соответствует, тем более развита. Возможно, можно говорить об общественном пространстве как о “коммуникативном пространстве” и с этой точки зрения оценивать различные идеи его организации, тем более что некоторые последователи Хабермаса, сторонники так называемой делиберативной демократии, даже постулировали существование особых мест, где проходило бы обсуждение наиболее важных проблем общества. **Коммуникативное пространство** будет отличаться от **пространства общения** прагматиков тем, что Хабермас предполагает необходимость консенсуса (как и представители делиберативной демократии), а прагматики, с другой стороны, видят разговор как деятельность, в которой мы можем взять на себя роль другого, все более обобщенного, другого человека.

Третья концепция относится к концепции диалога Михаила Михайловича Бахтина [Bakhtin 1981], которую можно резюмировать следующим образом: основой человеческой природы является общение и диалог. Диалог пронизывает все межличностные отношения, но, по мнению Бахтина, является чрезвычайно сложным явлением: с одной стороны, каждое высказывание имеет диалогический характер, поскольку предполагает ответ, с другой – язык, поле идеологической борьбы за смысл, значения слов не нейтральны, они всегда определяются социальными ориентирами. Более того, всегда появляется соблазн монологизма, монополизации лингвистических смыслов одной стороной. Можно сказать, что двумя полюсами, на которых формируется публичная сфера, являются **монолизм (авторитаризм)** и **эксцессивный диалогизм (анархизм)**.

На третьем этапе своей карьеры Бахтин разработал концепцию карнавала. Карнавал – это не только праздник, игра, но и часть человеческой природы. Карнавал – это обращение вспять всех социальных ценностей, процесс, который ставит под сомнение устояв-

шиеся правила общественно-политической жизни. Таким образом, можно говорить о публичном пространстве как о **карнавальном пространстве**, в котором происходят постоянные изменения, воображение работает как движущий механизм демократии. Это пространство некоторым образом похоже на то, за которое выступали прагматики, но оно более радикально.

Наконец, я хотел бы обратиться к своей собственной концепции диалога и демократии, вдохновленной прагматизмом и Бахтиным, которую я представил в изданной на английском языке книге «Политика диалога: Неконсенсусная демократия и критическое сообщество» [Koczanowicz 2015]. Эта концепция является радикализацией теории диалога Бахтина и прагматичной идеей демократии как образа жизни для общества. Основная предпосылка этой концепции заключается в том, что диалог ведет к лучшему пониманию, а не к взаимопониманию, поэтому диалог является ценностью сам по себе, а не только инструментом для достижения консенсуса. Таким образом, концепция неконсенсусной демократии является «третьим путем» между **гегемонической теорией демократии**, которая гласит, что нет диалога, необходимо навязать гегемонию одной стороной, а демократия отличается от тоталитаризма тем, что гегемония может быть отменена результатами выборов и **консенсуальным представлением о демократии**.

Согласно неконсенсусной концепции демократии консенсус является редким явлением, демократия – это система, в которой есть много ошибок, неправильных толкований и т. д. Остается лишь надеяться, что между **сторонами в конфликте удастся достичь все более глубокого взаимопонимания**. Критическая община – это община, способная в диалоге соотносить свои собственные традиции, т. е., с одной стороны, члены этой общины принимают принадлежность к традиции, а с другой стороны, они способны критически реагировать на нее. Общественное пространство неконсенсусной демократии/критического сообщества – **это пространство неконсенсусного диалога**. Речь идет не о создании механизмов для достижения консенсуса, а о создании условий для облегчения формального и неформального социального взаимодействия для того, чтобы повысить шансы на лучшее понимание. Если с точки зрения каждой из этих концепций мы рассмотрим роль университета, то становится ясно, что он должен играть ключевую роль в улучшении коммуникации и диалога. Университет – это не только место для проведения исследований и обучения студентов. Университет является современным обществом и чрезвычайно важным

социальным институтом, который должен задавать тон общественной дискуссии.

В этом контексте следует обратить внимание на проблему гуманитарного образования в современных университетах и его теоретические рамки. Нет сомнений в том, что гуманитарные науки отказались от своих претензий на универсальность. Они больше не могут утверждать, что они занимают привилегированное место в системе человеческого опыта и познания. Короче говоря, они должны отвергнуть вертикальную концепцию культуры, структура которой основана на жесткой иерархии авторитетных голосов. Вместо этого, я полагаю, они должны принять горизонтальную концепцию культуры, в которой существует равенство различных точек зрения. В такой модели роль гуманитарных наук заключается в том, чтобы облегчить понимание, обучая людей тому, как «взять на себя роль другого», чтобы использовать формулировку Джорджа Герберта Мида. С этой точки зрения гуманитарные науки должны лежать в основе университетской учебной программы, поскольку они способны формировать граждан, осознающих себя, без которых невозможно развитие и выживание демократического общества. Как утверждает Марта Нуссбаум недавно затронувшая тему гуманитарного образования и его роли: «Демократии характеризуются великой силой разума и воображения. Но они также особенно восприимчивы к серьезным заблуждениям, к влиянию приходской принадлежности, поспешности, небрежности, эгоизму и бездуховности. Образование, направленное в первую очередь на получение дохода на мировом рынке, усиливает эти недостатки и ведет к унынию, основанному на алчности и механической покорности, которые представляют угрозу для самой демократической жизни и, безусловно, препятствуют созданию достойной глобальной культуры [Nussbaum 2016, 161–162].

В своих последних работах я представил концепцию неконсенсусной демократии и критического сообщества, которая может быть применена к современным спорам о характере демократического образования. Демократия, на мой взгляд, это не система, которая в первую очередь направлена на углубление взаимопонимания, а система, в которой можно всё лучше понимать взгляды других людей. Демократия, разумеется, погружена в общину, но община, выступающая за демократию, является критически важной общиной, открытой даже для радикального диалога со своими традициями. Гуманистическое образование имеет решающее значение с этой точки зрения, но его функция меняется. Я согласен

с утверждением Нуссбаум о том, что гуманитарные науки необходимы нам для воспитания людей в духе демократии и в интересах демократии, но я также считаю, что нам необходимо переосмыслить роль гуманитарных наук. Они больше не могут служить средством достижения индивидуального совершенства или национальной идентичности. Вместо этого они должны способствовать развитию и укреплению потенциала для диалога и взаимопонимания.

Перевод Оксаны Сольник-Кжыжановска

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bakhtin 1981 – M. Bakhtin, *The Dialogic Imagination*. Ed. by Michael Holquist. Trans. M. Holquist and C. Emerson. Austin 1981. In English.
- Dewey 1984 – J. Dewey, *The Public and Its Problems*. Ed. by J. A. Boydston, *The Later Works of John Dewey, 1925–27*, vo. 2. Carbondale 1984. In English.
- Habermas 1981 – J. Habermas, *The Theory of Communicative Action* (Vol. 1 and 2). Trans. T. McCarthy. Boston 1981. In English.
- Jonsson 2013 – S. Jonsson, *Crowds and Democracy: The Idea and Image of the Masses from Revolution to Fascism*. New York 2013. In English.
- Koczanowicz 2015 – L. Koczanowicz, *Politics of Dialogue: Non-Consensual Democracy and Critical Community*. Edinburgh 2015. In English.
- Mead 1959 – G. H. Mead, *Mind, Self and Society*. Chicago 1959. In English.
- Nussbaum 2016 – M. Nussbaum, *Nie dla zysku. Dlaczego demokracja potrzebuje humanistów*. Trans. Ł. Pawłowski. Warsaw 2016. In Polish.
- Rosanvallon 2008 – P. Rosanvallon, *Counter-democracy. Politics in the age of distrust*. Trans. A. Goldhammer. Cambridge 2008. In English.
- Zakaria 2004 – F. Zakaria, *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York 2004. In English.

Материал поступил в редакцию 04.09.2019

Материал поступил в редакцию после рецензирования 19.10.2020